

Анна Станкевич

Роман Владимира Маканина

Две сестры и Кандинский: жанровый эксперимент

Одна из важных особенностей современного литературного процесса – актуализация разнообразных трансгрессионных, или гибридных явлений, в том числе и в области жанровых структур. Роман *Две сестры и Кандинский* Владимира Маканина, увидевший свет в 2011 году – не исключение в этом ряду. Критика сразу отметила причудливое и даже парадоксальное смешение, назвав, например, роман пьесой «в тяжеловесной эстетике перестроечной чернухи, прикидывающейся водевилем [...] Между трактатом и памфлетом. Очерком и притчей»¹.

Практически все авторы, занимавшиеся проблемой художественных экспериментов Маканина, отмечают, с одной стороны, оглядку на классическую традицию XIX века, с другой – его тяготение к формам, ориентированным на онтологию, например, притчу и неомиф². Способы возведения исторического к универсальному, вневременному могут быть самыми разнообразными: игра интертекстуальность³, построение мифологической модели хронотопа⁴, индетерминированность как доминанта концепции личности⁵ и т.д.

Существенно, что в авторской номинации базовое жанровое определение «роман» уточнено амбивалентным «сцены из жизни» (полностью это звучит

¹ Д. Бавильский, *Вишневое варенье*, Интернет-журнал «Частный корреспондент», май 2011, <http://makanin.com/dmitrij-bavilskij-vishnevoe-varene> [26.01.2014].

² См.: Н. Иванова, «Самодонос интеллигенции» и время кавычек, «Знамя» 2011, № 7, с. 168–174.

³ В.Д. Серафимова, *Смысловая насыщенность системы мотивов в сюжете романа В. Маканина «Две сестры и Кандинский», генезис мотивов. Поэтика романа. Роман в оценке критики*, [в:] *Современные подходы к изучению и преподаванию русской литературы и журналистики XX–XXI веков: Материалы 17 Шешуковских чтений*, под ред. профессора Л.А. Трубиной, МПГУ – Прометей, Москва 2012, с. 103–113.

⁴ А. Станкевич, *Музыка и Кандинский: роман В.Маканина «Две сестры и Кандинский»*, [в:] *Kultūras studijas VI. Mūzika literatūra un kultūrā*. DU AA «Saule», Daugavpils 2014, с. 325–332.

⁵ А. Станкевич, *Двойничество в романах В. Маканина последнего десятилетия*, RES Humanitariae XIV, Klaipėda 2013, с. 116–126.

так: «роман, сцены из жизни 90-х»⁶). Подобным образом в своё время Оноре де Бальзак определял жанровую парадигму большей части своей *Человеческой комедии*: *Этюды о нравах* состояли из сцен частной, провинциальной, парижской, политической, военной и деревенской жизни, объединенных в шесть универсальных групп по тематическому принципу. Не удивительно, что некоторые критики и исследователи маканинского творчества один из уровней его последнего романа тоже интерпретируют как своеобразное неопозитивистское наблюдение над чем-то реально имеющим место в истории:

Ещё одна книга [...] о мужчинах и женщинах, их отношениях в конкретно-исторических условиях, бьющих по темечку. [...] Маканин, как и все мы, находится внутри этого мощного исторического потока; его, как всех нас, несёт куда-то в неизведанное⁷.

Протагонисты романа – сёстры Тульцевы – дочери известного диссидента, наследуют отцовское восприятие жизни. Старшая, Ольга – искусствовед, директор галереи Кандинского, младшая Инна занимается компьютерными технологиями. Сёстры умны, дружелюбны, гостеприимны, доброжелательны, но абсолютно несчастны. Три части романа – это три истории родившихся и погибших любовных и дружеских отношений старшей сестры с мужчинами. Маканин, следуя традиции русской реалистической литературы, обстоятельно изображает внутреннюю неоднозначность, мучительные сомнения своих персонажей. Ольга, размышляя о себе, приходит к следующему выводу:

Женщина, как оказывается, – это две в одной. Одна женщина (это я! каждую минуту начеку, – недоверчивая и отчасти даже озлённая (предыдущими промахами по жизни). [...] А вторая? Вторая женщина (это ведь тоже я!) старается срастись с мужчиной [...] женщина как вмонтированное болевое эхо⁸.

Примечательно, что в каждой из своих любовных историй Ольга повторяет рефрен о двух женщинах, живущих в ней, стержневыми словами которого становятся «раздвоенность», «разлад», «длящийся двойной стандарт»⁹. Писателя интересуют и нюансированные межличностные коллизии. Между сёстрами сложились отношения, которые можно назвать иерархическими: «Я пока что иду за Ольгой след в след. Но это не значит, что я её подобие»¹⁰), – говорит о себе Инна. Однако это не так, она действительно ищет себя, но в основном стремится пройти Ольгин путь; каждого брошенного старшей сестрой мужчину, Инна пытается «подобрать», утешить, предлагает уехать в мир её мечты, «в Питер». Традиционное для классического реалистического романа детальное описание любовных драм и разочарований на фоне судьбоносных 90-х годов XX века в России – это только одна из многих составляющих картины мира романа *Две сестры и Кандинский*.

⁶ В. Маканин, *Две сестры и Кандинский*, ЭКСМО, Москва 2011, с. 3.

⁷ Д. Бавильский, *Вишневое варенье...*

⁸ В. Маканин, *Две сестры...*, с. 22.

⁹ Там же, с. 150.

¹⁰ Там же, с. 203.

Если говорить об отсылках к жанрам традиционной позитивистской литературы, то существенными являются тоже отмеченные критикой репортажные или очерковые вкрапления¹¹, очень точно и детально передающие, например, исторические реалии урбанистического пространства во времена перестройки:

Наши улицы – уже совсем не наши. Барахолка!.. А какой вразброс бартер! Не хочешь ли купить и тут же сменять сахар на презервативы? А рис на бронжилеты?.. Инфляция всё равно сожрёт зарплату! За неделю! За три московских дня!..¹².

Причудливость жанровой структуры романа проявляется и в том, что активно смешиваются не только собственно жанры, но даже и литературные роды. Своеобразным камертоном этого явления служит уже заглавие *Две сестры и Кандинский*. В.П. Григорьев считал заглавие «чудовищно уплотнённой аббревиатурой текста»¹³, в случае романа Маканина и заглавие, восходящее к чеховским *Трём сёстрам*, и жанровая номинация («сцены из жизни») позволяют говорить о наличии драматургического кода. Эта особенность маканинского художественного мира тоже не осталась без внимания критики: роман «слишком уж похож на пьесу», «кажется пьесой»¹⁴. В одном из последних интервью на вопрос о смысле очевидных намеков на русские классические тексты Маканин ответил: «Чехов – для того, чтобы не делать слишком долгого разбега перед прыжком. Чтобы скорее в контекст. Я не сомневался, что чеховская ситуация легко и сразу прочитается нашим человеком»¹⁵. С чеховским «рифмуется» основной идеологический посыл романа Маканина – стремление молодых женщин вырваться из серой обыденности и рутины. И если сёстры Прозоровы были одержимы идеей свободы, воплощавшейся в словах «В Москву. В Москву», то о своей сестре, стремящейся покинуть столицу, Ольга говорит так: « – Хочу в Питер. Чуть что – хочу в Питер. Бравирует. Она такая. Навязчивый повтор её упрямой томящейся мысли»¹⁶. Принципиально важно, что Маканин не столько отсылает читателя к чеховской драме, сколько строит почти драматургический текст. На протяжении более чем трёхсотстраничного романа нет ни одного случая, чтобы диалоги не занимали менее девяноста процентов текстового пространства на странице. Собственно авторское присутствие реализуется в формах, близких театральным ремаркам: «Артём пружиной встаёт в рост, нависая над торцом стола»¹⁷; «Стремительно уходит.

¹¹ См.: Т.Ю. Климова, *Метанарративные стратегии прозы В. Маканина*, «Вестник Томского государственного университета», № 340, 2010, с. 12–17.

¹² В. Маканин, *Две сестры...*, с. 9.

¹³ В.П. Григорьев, *Поэтика слова*, Наука, Москва 1979, с. 194.

¹⁴ См., например, подборку рецензий в сетевых ресурсах: <http://bookmix.ru/book.phtml?id=522831>.

¹⁵ *Зеркало для антигероя. Интервью с Владимиром Маканиным*, «Российская газета» № 5610 (234), 19.10.2011.

¹⁶ В. Маканин, *Две сестры...*, с. 32.

¹⁷ Там же, с. 69.

Ольга одна»¹⁸; «Звонок. Инна спешит к двери»¹⁹. Система персонажей тоже под стать драматургической: её ядро – сёстры Тульцевы, либо одна, либо другая постоянно присутствует «на сцене». Следующая группа – окружение Ольги и Инны: пять мужчин разных возрастов – от бездомного подростка Коли Угрюмцева, пригретого добросердечными сёстрами, до пожилого Бати, – абсолютно несостоятельные в личностном плане люди, почти все они мечены клеймом предательства, «стукачества». Наконец, – массовка (участники банкета, журналисты приехавшие из провинции с Артёмом, посыльные, – персонажи либо молчащие, либо произносящие несколько слов, вроде: «По адресу... Получите... Просили передать»²⁰).

Аргументом в пользу драматургического начала в романе являются и ограниченная, почти «сценическая» пространственная система. В романе нет даже намёка на пейзажные зарисовки, описание интерьеров тоже даётся либо в виде ремарок, либо о нём говорят действующие лица. Основное место действия – полуподвальное помещение – К-студия, галерея Кандинского, являющаяся одновременно и домом Ольги. Только дважды действие выносится за его пределы – в соседнюю «кафеюшку», где организован банкет по случаю выдвижения первого возлюбленного Ольги Артёма Константы кандидатом в депутаты и где он терпит полный провал, так как выясняется, что он сотрудничал со спецслужбами. Третий топос – отделение милиции, «обезьянник», куда попадает второй избранник Ольги, Максим Квинта, после расставания с возлюбленной.

Чаще всего массовка появляется тогда, когда повествование переключается из камерного регистра на политический. Персонажи массовки воспринимаются как действующие лица кукольного театра или театра масок. Большая часть пространства романа *Две сестры и Кандинский* так или иначе посвящена изображению политических процессов середины 90-х годов. Н. Иванова называет этот сегмент романа «политическим театром», где «демиург [...] передвигает говорящие фигурки, то сбрасывая их, то опять возвращая»²¹. Воспроизводя элементы структуры кукольного, марионеточного театра в романе, Маканин оценивает происходящее как абсурдный и трагический процесс. Например, в начале повествования речь идёт о том, как политическая группировка, во главе которой стоит некий Босс, стремится получить власть в Москве и ставит на подающего надежды политика Артёма Сигаева (Константу). Его окружает команда: «"Свои" загудели. Их человек семь или восемь. Артём в сплочённой команде недавно и плохо их различает. По номерам. Свой-1... Свой-2... Свой-3...»²². У Босса три таких выдвиженца, как Константа, и когда выясняется, что его репутация не безупречна, запятнана сотрудничеством с КГБ, его место занимает другой кандидат, другая марионетка, которой можно будет так же манипулировать.

¹⁸ Там же, с. 194.

¹⁹ Там же, с. 214.

²⁰ Там же, с. 241.

²¹ Н. Иванова, *«Самоднос интеллигенции»...*, с. 174.

²² В. Маканин, *Две сестры...*, с. 61.

После провала, проработав год в провинции, Константа возвращается в Москву с надеждой вернуться в политику, с ним – два журналиста, девушка и юноша, которых представляют как «Женя и Женя». «Для большей уверенности они иной раз говорят как бы слово в слово, повтором. Как эхо»²³. «Женя и Женя двойным эхом вторят Артёму:

– Мы по делу. Мы по делу»²⁴. Побывавший в недавнем прошлом в роли марионетки, Константа плодит теперь марионеток вокруг себя. Маканин играет любимым приёмом европейской литературы – двойничеством. Ф.П. Федоров так характеризовал этот феномен романтической культуры: «В мире действуют две личности, равные друг другу, и до конца вопрос о том, кто есть кто, сознательно не прояснён. Миром утрачено представление о людях, человеком утрачено представление о самом себе, человек затерялся в мире»²⁵. В романе В. Маканина появляются персонажи-марионетки, как две капли воды похожие друг на друга, с неразличимой гендерной принадлежностью, общим именем, без индивидуального лица и души. Люди могут быть просто пронумерованы, говорят хором и фактически принимают на себя функцию эха.

Ещё одной важной жанровой составляющей структуры *Двух сестер...* можно считать современные виды искусства, ориентированные на создание видеоряда, такие как кино или телевидение. Критику часто не устраивает дискретность маканинского текста, его своеобразная мозаичность. Д. Бавильский, например, отмечает «нервный монтаж, смазанность фокуса», «стиль, похожий на рваный ритм ручной кинокамеры»²⁶. Думаю, это не недостаток, а осознанный художественный приём, когда автор ориентируется на привычную для современного человека «видеокартинку», когда в течение нескольких секунд резко меняется ракурс. Например, описание одного утра в студии начинается со своеобразной ремарки: «Во тьме... шаги... шаги!», затем следует небольшой диалог двух сестёр, и далее, без всякого перехода – внутренний монолог Ольги, начинающийся словами: «Моя сестрёнка Инна – слегка томящаяся натура»²⁷. Далее следует шесть страниц диалогов между сёстрами и проснувшимся Артёмом, речь заходит о возрождающихся в стране школах КГБ; Ольга, воспитанная отцом-диссидентом, очень огорчена этим известием. В тексте через большой пробел – одно слово: «Молодая!»²⁸. Кому принадлежит эта оценка – неясно, но, в любом случае – это оценка кого-то со стороны (возможно, автора, хотя он о себе никогда прямо не заявляет), т.е. появляется дополнительная точка зрения, иной ракурс.

Обобщая всё сказанное о жанровых трансформациях романа Маканина *Две сестры и Кандинский*, уместно вспомнить идею М.М. Бахтина о том, что «трудно найти такой жанр, который не был бы когда-либо и кем-либо включен в роман. Введенные в роман жанры обычно сохраняют в нем свою

²³ Там же, с. 231.

²⁴ Там же, с. 234.

²⁵ Ф.П. Фёдоров, *Художественный мир немецкого романтизма: структура и семантика*, МИК, Москва 2004, с. 284.

²⁶ Д. Бавильский, *Вишневое варенье...*

²⁷ В. Маканин, *Две сестры...*, с. 31.

²⁸ Там же, с. 39.

конструктивную упругость и самостоятельность, и свое языковое и стилистическое своеобразие»²⁹. Маканин, всегда тяготеющий к универсализму, роман считает абсолютной жанровой формой, которая позволяет художнику быть свободным. В эссе *Ракурс. Одна из возможных точек зрения на русский роман* писатель утверждает, что роман как «содержательная структура» перечёркивает традиционные жанровые представления: например, романом он считает *Один день Ивана Денисовича* А. Солженицына.

Н. Иванова приводит занятный диалог с Маканиным на эту тему:

Маканин настаивал, что *Дядя Ваня* – это роман. «А *Вишневый сад?*» – не отставала я. – «И *Вишневый сад* роман». – «И *Три сестры?*» – «И *Три сестры* роман». Маканин отвечал всерьез и совсем не шутил³⁰.

Таким образом, маканинская мысль о романе как совершенно особой, универсальной жанровой структуре базируется, в том числе, и на собственном опыте изоощрённой игры классическими и современными гибридными формами.

Литература

- Бавильский Д., *Вишневое варенье*, интернет-журнал «Частный корреспондент», май 2011: <http://makanin.com/dmitrij-bavilskij-vishnevoe-varene> [26.01.2014].
- Бахтин М.М., *Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет*, Художественная литература, Москва 1975.
- Григорьев В. П., *Поэтика слова*, Наука, Москва 1979.
- Иванова Н., «Самоднос интеллигенции» и время кавычек, «Знамя» 2011, № 7, с. 168–174.
- Интервью с Владимиром Маканиным. Зеркало для антигероя*, «Российская газета» 19.10.2011, № 5610 (234).
- Климова Т.Ю., *Метанарративные стратегии прозы В. Маканина*, «Вестник Томского государственного университета» 2010, № 340, с. 12–17.
- Маканин В., *Две сестры и Кандинский*, ЭКСМО, Москва 2011.
- Серафимова В.Д., *Смысловая насыщенность системы мотивов в сюжете романа В. Маканина «Две сестры и Кандинский», генезис мотивов. Поэтика романа. Роман в оценке критики*, [в:] *Современные подходы к изучению и преподаванию русской литературы и журналистики XX–XXI веков: Материалы 17 Шешуковских чтений*, под ред. профессора Л.А. Трубиной, МПГУ – Прометей, Москва 2012, с. 103–113.
- Станкевич А., *Двойничество в романах В. Маканина последнего десятилетия*, RES Humanitariae XIV, Klaipeda 2013, с. 116–126.
- Станкевич А., *Музыка и Кандинский: роман В.Маканина «Две сестры и Кандинский»*, [в:] *Kultūras studijas VI. Mūzika literatūrā un kultūrā*, DU AA «Saule», Daugavpils 2014, с. 325–332.
- Федоров Ф.П., *Художественный мир немецкого романтизма: структура и семантика*, МИК, Москва 2004.

²⁹ М.М. Бахтин, *Вопросы литературы и эстетики*, Художественная литература, Москва 1975, с. 134.

³⁰ Н. Иванова, «Самоднос интеллигенции»..., с. 170.

**Роман В. Маканина *Две сестры и Кандинский*:
жанровый эксперимент****Резюме**

Роман В.Маканина *Две сестры и Кандинский* (2011) представляет собой особую жанровую структуру, базирующуюся на причудливой игре классическими и современными гибридными формами. Кроме заявленных автором определений «роман» и ориентированных на бальзаковскую жанровую форму «сцен из жизни» активно используются очерковые и новеллистические приёмы. Актуализирован и жанровый драматический код, не только в его классическом варианте, но и в формах театра марионеток, современного ток-шоу, других явлений кино и телевидения.

Ключевые слова: В. Маканин, роман, драма, жанровый эксперимент, гибридность

**V. Makanin's Novel *Two Sisters and Kandinsky*:
Genre Experiment****Abstract**

V. Makanin's novel *Two Sisters and Kandinsky* (2011) is a special genre structure based on the sophisticated play of classical and modern hybrid forms. Besides the genre definition as "a novel" stated by the author and specifying it as "a scene of life" oriented to Balzac genre form, the reportage and essays inclusions are significant in the novel as well. Dramatic code is actualized there not only in its classical variant, but also in the form of puppet theatre, contemporary talk-show, and other genres of film and television.

Key words: V. Makanin, novel, drama, genre experiment, hybridity

Анна Станкевича
Доктор филологии, профессор
Даугавпилсский университет

Anna Stankeviča, professor
Daugavpils University
e-mail: annastankevica@inbox.lv
+371 65424238